

# ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ ПРЕДЗИМЬЯ

Сергей Степанов собирался на премьеру собственной песни почти равнодушно, словно это была не первая его премьера. Предстоящее событие по-настоящему радовало месяц назад, пока он не знал, где будут исполнять песню. Оказалось: где-то за городом! А он-то мечтал о сверкающем концертном зале, многочисленной публике. Мечтал позвать на концерт семью, пригласить знакомых... Ещё более огорчился, когда композитор Владимир Балакин, написавший к его словам музыку и одновременно являвшийся дирижёром клубного хора, стеснительно недоговаривая, попытался объяснить по телефону, что, мол, предстоит не обычный концерт, а благотворительный, в интернате для больных нервными заболеваниями. Да-а... Хороший подарочек. Как только не называют в народе подобные интернаты, но Степанову ничего не оставалось, как согласиться из-за отсутствия выбора.

Вообще-то, Сергею Викторовичу надо бы радоваться, что всё так удачно сложилось. Всего лишь два месяца назад его стихотворение о родном городе случайно попало к незнакомому композитору, неожиданно написавшему музыку. Когда диск с записью песни оказался у Степанова, он сперва радостно удивился, но, прослушав черновое исполнение, хотя и приятное для слуха, ужаснулся от несовершенства собственного текста. Эта незаконченность показалась для него, прозаика, автора нескольких романов и многих рассказов, привыкшего доводить произведения до профессионального уровня, непередаваемо обидной. Что это за песня, сложенная из трёх куплетов, два из которых повторялись?! Надо срочно дорабатывать!

Никогда, наверное, он не трудился с таким неистовством, прибавив к тексту три куплета, наполнив его законченным сюжетом, выверив стилистически, взглянув на него с исторической глубины, многократно проверив на звучание стихотворный размер. Эти двое суток показались тяжёлыми, но счастливыми. Много вспомнилось: и родители, и любимый город, и вид, открывающийся с городского холма, красоту которого он стал понимать только с возрастом. И

почему-то постоянно вспоминалась соседская девочка Таня, с которой дружил в начальных классах. Это потом он узнал, что Таня была неизлечимо больна, поэтому училась в специальной школе соседнего города. Родители привозили Таню лишь на каникулы, и тогда он, маленький тогда Серёжка, все дни проводил с белокурой, такой хорошенькой и тихой девочкой, подолгу смотревшей на него не моргавшими голубыми глазами, хотя родителей это часто сердило, и они придумывали всякие уловки, чтобы их разлучить. Он тогда не понимал, зачем они это делают, если ему очень хорошо с ней. Ведь никто так не умел смотреть, даже мама с папой, – только она, Таня! Его даже не отпугивали насмешки: «Не дружи с ней! Ребята будут дразнить женихом и невестой!» Их, действительно, дразнили, а он не обижался. Таня – тем более. Да и чего обижаться, если им так славно быть вместе, особенно, когда подолгу смотрели друг другу в глаза. Они даже пели о всеобщем счастье на Земле. Запевала обычно Таня: «Будет людям счастье, счастье на века...», но пела по-своему: «Будэт людем счастье, счастье на века...» – и Серёжке казалось, что она нарочно неправильно поёт, перед каждым словом делая паузу. Её медлительность походила на игру и не мешала петь вместе; он легко приспособился к её забавной манере. Эту песню в те годы часто исполняли по радио. После первых строк о всеобщем счастье в ней мощно звучали слова о революции, о силе советской власти – красивая песня, что и говорить. Но они тогда всех тех красивых слов не понимали. Им было достаточно самых первых, понятных – о бесконечном счастье, обещанном в скором времени. Им тогда казалось, что поют о них самих, о том, что именно их ждёт то самое неизбывное счастье, которое с годами только будет усиливаться.

Но неожиданно оно оборвалось.

Серёжка в ту пору привык, что Таня появлялась на время каникул, ждал её приезда. Появилась она и после окончания второго класса, но, погостив дома несколько дней, вдруг сказала ему по секрету, что завтра уезжает. И правда: на следующий день родители куда-то увёзли её на машине. Серёжка едва успел проводить Танюшку и потом плакал весь день. Позже – ни родители Тани, ни свои – ничего по-настоящему не объясняли, а когда он уж слишком приставал с расспросами, то торопливо говорили, что она надолго уехала к бабушке в далёкий южный город. Серёжа хотел верить их словам, и почти верил, но всё-таки какое-то, хотя и малое, сомнение оставалось, потому что говорили они сердито, почти зло. К тому же никогда прежде он не слышал о другой Таниной бабушке. У неё ведь была своя, привычная, жившая вместе с ними. Её он хорошо знал и даже любил, потому что она всегда угощала вкусными пирожками с вишнями или яблочным повидлом. Разве можно уезжать от такой? Поэтому и сомневался. Почти год ходил, ничего не зная о Тане, даже начал забывать. Но следующей весной подрался из-за неё, когда играл с мальчишками в лапту, и кто-то из них сказал, что его невеста давно на кладбище, даже обещал показать её могилку, а он тогда стал доказывать, что она

уехала к бабушке и вот-вот приедет на летние каникулы... Тем вечером Сергей вернулся домой с разбитым носом, в изорванной рубашке и расплакался перед родителями. Тогда они рассказали ему всю правду, впервые говорили не сердито, а жалеючи. Услышав всё, как есть, он плакал ещё горше, и его долго не могли успокоить. Родители, конечно, хитрые, говорили, что он совсем взрослый, он – будущий мужчина, что всё должен понимать, а не размазывать по щекам слёзы, подобно плаксивой девчонке. Он соглашался, а в душе не мог смириться с такой ужасной несправедливостью.

Но всё проходит, мало-помалу прошло и это горе. И, наверное, окончательно забылось бы. Но через год-другой, когда Сергей учился в четвёртом классе, его не приняли в пионеры. Причина одна: отказался петь в классном хоре на смотре художественной самодеятельности! Учительница и члены родительского комитета пытались узнать у него причину отказа и столь глупого упрямства, но он упорно молчал и не хотел ничего объяснять. Да и как скажешь о том, что будь какая-нибудь другая песня, он легко бы её спел, но песня, которую 4-а класс готовил для смотра, начиналась словами: «Будет людям счастье...» Когда он начал петь на первой репетиции, то сразу вспоминалась Танюшка, и глаза разбухли от слёз. Он убежал из актового зала, чтобы никто не увидел его слабости. Эту историю в школе запомнили, и позже, за отказ участвовать в самодеятельности, Степанов остался без пионерского галстука; да и с комсомолом потом было не всё гладко. Если смотреть на тогдашние события сегодняшними глазами, то они покажутся мелкими, не заслуживающими внимания, даже наивными. Но они были, и поэтому остались в душе навсегда, правда, спрятались так далеко, что почти не вспоминались или вспоминались без тогдашнего драматизма. Это теперь Сергей Викторович мог вспоминать спокойно, с лёгкой даже иронией: что было, то было – у кого в детстве не происходило чего-то похожего. Давние события, случившиеся за полвека и, конечно же, приглушённые временем, – даже самые яркие и запоминающиеся поначалу, – теперь лишь лёгким ветром радости или печали иногда возвращались в нынешнюю жизнь.

С такими волнующими мыслями ехал Степанов в подмосковный интернат на премьеру песни, сочиняя которую, чаще обычного вспоминал свой районный город, детство и всё, что связывало тогда с ним и не отпускало в течение всей жизни. Может, и стихи-то сложились именно поэтому: из любви к детству, ко всем людям, жившим тогда и живущим теперь.

Хористы встретились в метро на «Правжской», потом разместились в заказном автобусе. Ехать недалеко. Если не московские пробки, домчались бы за полчаса. Да, собственно, никто не спешил, дорога знакомая: хористы ехали в этот женский интернат с шефским концертом не впервые. У некоторых из них даже имелись знакомые среди тамошних постоянных обитателей.

И вот автобус в посёлке и остановился у ворот, увитых зловещей спиралью Бруно. Подобные стальные сверкающие завитушки с режущими гранями, на вид красивыми, понятно, плохое украшение для чего бы то ни было. Они и здесь навевали не самые лучезарные мысли. Правда, из-за ограды виднелась часовня, и вид её радостно уравнивал первое впечатление, неожиданно сковавшее Степанова.

В интернате их ждали. Рядом с руководством интерната и заботливым отцом Дмитрием, духовно окормлявшим здешних прихожан и организовавшим личным радением благотворительную поездку, можно было заметить невольных жителей сего места, гроздьями выглядывавших из окон и дверей, хотя вокруг разлилась сырая ноябрьская стынь. Степанов вышел из тёплого автобуса в числе последних и следом за хористами ступил за распахнутые двери. Он никогда ранее не бывал в подобных заведениях, а тут сразу попал в другой мир, который мог только представлять в воображении. Но оказалось, что в нём внешне ничего нет необычного, особенно, если смотреть вдоль длинного коридора, похожего на больничный, по которому сновали нянечки в белых халатах и вольготно прогуливались пациенты интерната в цветастых халатах, и не только в них. Здесь и запах был, как в больницах, – сложный запах лекарств, хлорки и то ли лука, то ли чеснока, который, видимо, использовали как народное средства от гриппа. Правда, пациенты вели себя не как в обычных больницах, а пытались обратить на себя внимание. Все дружно улыбались, наперебой здоровались, широко раскрытыми глазами пристально рассматривали гостей, отчего Сергей Викторович сразу вспомнил Таню, будто вернувшуюся из детства. Сам же он остерегался смотреть здешним жителям в глаза, словно боялся увидеть в них что-то запретное, пугающее, – такое, что вслед за взглядом может переселиться в его душу; лишь с Таней он когда-то мог беззаботно переглядываться. Теперь же впал в состояние лёгкого испуга, хотя суетой, хождением туда-сюда, пытался вести себя так же, как и приехавшие гости.

Для женской части хора выделили комнату с пугающим названием «Изолятор», в которую хористки вошли в повседневной одежде, а вышли в сценических платьях и кокошниках – артистками. Мужчинам для переодевания достался кабинет врача. Вся эта привычная для них суета, короткая репетиция, вроде бы ничего не значили, но были важны для понимания окружающих людей, вхождения в образ. Своей подготовкой, негромкими загадочными голосами они обращали на себя внимание жильцов и разжигали их любопытство, словно пришельцы из иного мира.

Незаметно вглядываясь в окружающие наивные лица, Сергей Викторович вдруг понял, что они совсем не отталкивающие, а именно наивные, каждое по-своему несчастное, но одновременно и счастливое от беспокойной внутренней

душевной жизни, известной только им самим. Можно лишь представить, что значит для этих людей приезд артистов, захлестнувший впечатлениями и эмоциями, если свобода жителей интерната ограничена высоким забором и спиралью Бруно. Ведь они всё понимают. Иначе не радовались бы, не заглядывали в глаза, не ласкались бы бездомными сиротинками. И возраст для них не имел разницы. Все они прилежно, с одинаковым энтузиазмом старались привлечь внимание, запомниться. Некоторые подходили к хористам, как к старым знакомым, и, держась за руку, долго не отпускали их.

В какой-то момент Степанов был ошарашен взглядом белокурой девчушки, будто случайно скользнувшей глазами – совсем не так, как смотрели другие. И едва он задержал на ней взгляд, как она широко раскрыла глаза, и в их чистой синеве он вдруг увидел тревожно-знакомый оттенок. Сразу даже не понял, что это были глаза Тани; девчушка и внешне была похожа. И хотя прошло полвека, но те бесконечно давние взгляды вдруг вспомнились Степанову так свежо и радостно, словно перед ним мелькала не эта девчушка, по виду, будто случайно оказавшаяся здесь, а непостижимым образом вернулась его детская привязанность. За минувшие десятилетия он подзабыл её образ, а теперь вдруг обрёл заново, и её лицом стало лицо это синеглазки, нашедшей среди хористок свою знакомую Аллу, называвшую её «дочкой».

– Как же зовут вашу «дочку»? – подыгрывая, будто бы серьёзно спросил Степанов у Аллы, цветущей от этой встречи, почему-то надеясь – а вдруг?! – услышать имя «Таня».

– Это – Лада, моя дочурка! Правда, Ладушка?! – обняла девчушку Алла, а Степанов подумал, что у них даже имена созвучные.

– Моя мама Алла... – негромко, неимоверно растягивая слова (точь-в-точь, как Таня!), произнесла девчушка и туже прижалась к Алле, словно боялась её потерять, как настоящую маму. Они действительно очень походили одна на другую: обе светловолосые, обе пугливые и постоянно улыбающиеся виноватыми улыбками.

Степанов хотя и ошибся в имени Аллиной «дочки», но, глядя, как Лада доверилась покровительнице, подумал: «Какая разница! Не в имени дело, а в отношениях!» Взаимное тяготение незнакомых, в общем-то, людей повлияло на Сергея Викторовича по-особенному, сразу разволновало, окончательно заставило иначе смотреть вокруг.

Концерт намечался в столовой, вскоре торопливо наполнившейся шумными зрителями, и начался с поздравления отца Димитрия и исполнения тропаря празднику иконы Казанской Божией Матери. Степанов смотрел на зрителей, многие из которых осеяли себя крестным знаменем, исподволь изучая особенно

запоминающихся. Но какими бы они ни казались своеобразными, всякий раз его взгляд останавливался на лице Лады – на вид самом обычном, но, глядя на которое, ему раз за разом вспоминалась Таня. Казалось, Лада вот-вот широко раскроет синие глаза и, трудно выговаривая каждое слово, запоёт с большими паузами: «Будет людям счастье, счастье на века...»

После православного песнопения батюшка передал слово Алле – ведущей концерта, и она объявила название первой песни. Кто-то в зале сразу продублировал, выкрикнув: «Я лечу над Россией!» Пока зрители оживлённо, даже крикливо, обсуждали название, терпеливый баянист и хористы, предупреждённые Балакиным о сдержанности и тактичности, держали паузу, и только когда зал мало-помалу успокоился, начали песню по сигналу дирижёра. Когда она закончилась – слушатели не жалели ладоней, оглушили аплодисментами. Песня Сергея Викторовича прозвучала второй по счёту. Алла объявила о премьере, сообщила, что автором музыки является композитор Владимир Балакин – элегантный, подвижный дирижёр хора, а текста – писатель Сергей Степанов, находящийся в зале. Зрители принялись оглядываться, но, кажется, никто не признал в высоком человеке в лёгком сером свитере одного из авторов. Слова собственной песни, в исполнении хора, показались ему такими необычными и радостно-пугающими, восторженными, что не оставляли места никаким иным мыслям. Это чувство было схоже с давним, но незабываемым, отчётливо сохранившимся в душе с юных времён, когда он стал автором первой публикации в «районке». Помнится, от восторга, казалось, летал над землёй, парил, и даже не от самой заметки, а от вида собственной фамилии, напечатанной типографским шрифтом! Потом было множество публикаций, и впечатления от них мало-помалу сделались привычными, такими, какими бывают от обычной работы. И вот, новый всплеск эмоций и радости, будто он всю жизнь копил в душе любовь и тепло к родному городу, а сейчас это всё вспомнилось и предстало перед глазами: его улочки, вид на речную излучину и дальние поля, открывающийся с крутого холма, на котором в средние века стояла крепость. Всё-всё вспомнилось, а ярче всего почему-то – Таня. И такими воспоминания получились подробными и ясными, что он чуть ли не прослезился и совершенно по-особенному посмотрел на застывшие лица внимательных слушателей. Ему даже показалось, что в эти минуты они все побывали на его родине и радовались вместе с ним. Когда же исполнение песни закончилось новыми аплодисментами, Алла представила Степанова, он вышел на поклон, и все по-иному посмотрели на него, словно до этого он выдавал себя за кого-то другого. Кто-то сказал, имея в виду его высокий рост:

– Мы его сразу заметили!

Все заулыбались, Сергей Викторович заулыбался вместе со всеми, вдруг подумав, что от волнения, всё-таки пришедшего к нему, почти не запомнил

первого прилюдного исполнения собственной песни! Вот те раз! Ждал-ждал этого момента и... прохлопал. И всё-таки теперь не это являлось главным. Поэтому и огорчился недолго. Он вдруг понял, что после незапланированного оживления стал своим в этом доме, и все здешние люди своими. И если ранее он отводил глаза, когда встречался с ними взглядом, то теперь улыбался в ответ. Сделав фотографии хора и солистов, он присел среди зрителей и почувствовал боковым зрением, что они рассматривают его, запоминая, а одна из женщин, скукоженная от возраста и напряжённая от волнения, даже дотронулась до локтя и попросила: – Разрешите пожать вам руку!

Женщина осторожно подала узкую ладонь, и хотя рука показалась Степанову холодной, но, встретившись с женщиной взглядом, он всё-таки увидел тепло, шедшее из её тёмных и уставших глаз, пусть и слабое.

А концерт шёл своим чередом. Песни сменяли одна другую, зрители без устали хлопали в ладоши, иногда комментируя либо название песни, либо слова ведущей. Но, странное дело, эти реплики не мешали выступлению, воспринимались всеми как само собой разумеющееся дополнение и – вот чудо! – усиливали восприятие. Дай слушателям волю, они бы не жалели ладоней до утра.

За чудесное исполнение, за внимание к обитателям интерната отец Димитрий преподнёс хору образ Царицы Небесной «Умиление» и пожелал, чтобы Матерь Божия была и впредь руководительницей и спасительницей всех верующих. В заключение концерта сделали общую киносъёмку и фотографии на память, раздали батюшкины подарки.

Лада, в которой Степанов увидел Таню из детства, не отходила от Аллы, освободившейся от обязанности ведущей, а когда зрители разошлись, обе вместе вернулись в столовую, где хористов угостили чаем с бутербродами и пирожками, и сели за стол рядом. Сергей Викторович взял пирожок и вспомнил Танину бабушку, а сама Таня, казалось, сидела напротив. По взгляду Лады, её поведению было видно, что она очень хочет, чтобы Алла забрала её с собой, но не знает, как сообщить об этом, и Алла, видимо, понимала её желание, но не отваживалась сказать Ладе, что это невозможно. Да и как объяснить наивному человеку то, о чём даже намекать никто из гостей не в праве, чтобы не растревожить его чувств и чувств иных жителей этого дома, невольно не навредить им, заранее зная, что обычные слова здесь бессильны. Степанов видел, как отзывчивая Алла, видимо, скрепя сердце и чувства от невозможности помочь чем-то конкретным, мило улыбалась своей подруге, обещала, что совсем скоро они вновь приедут, и тогда встретятся, поговорят. Лада слушала, слегка кивала и смотрела широко раскрытыми глазами, пытаясь отгадать: правду ей говорит Алла или лукавит. Ждать её или нет?! Но как можно что-то по-настоящему понять среди суеты,

разговоров, мимолётных взглядов? Как завладеть чьим-то вниманием впопыхах?! Трудно это сделать, очень трудно. Даже простым смертным.

Благословлённые отцом Димитрием, хористы выходили к автобусу, Степанов шёл рядом, и показались все они в эти минуты давно знакомыми, необыкновенно близкими, словно прожил с ними долгую и добрую жизнь. Вместе с гостями, как растревоженные пчёлы из улья, вытекали из здания хозяева. Они выскочили проводить артистов в свитерах, кофтах, совершенно забыв о дожде, наверное, от волнения казавшимся им тёплым и ласковым, словно не сырой и студёный ноябрь разлился вокруг, а цвёл приветливый май, всюду распустились цветы, и птицы небесные неугомонно заливались в нежной зелени, будто в раю. Женщины окружили автобус и, не обращая внимания на снеговую тучу, предвестницу близкого предзимья, неслышно кравшуюся от свинцово-синей Москвы-реки, настойчиво просили не забывать их, приезжать ещё и ещё, обязательно приезжать! И что им эта чёрная туча с белёсыми подпалинами, грозившая, как сказала бы Танина бабушка, ледяным чичером, когда уезжали любимые люди, мелькнувшие будто во сне. И никто из женщин не ведал, когда этот сон повторится, и повторится ли. Поэтому и не жалели эмоций, потому что не умели их жалеть: они жили сегодняшним днём – радостным и прекрасным.

Лишь Ладушка застенчиво стояла в сторонке в чёрных брючках и домашних шлёпанцах, скрестив руки на белом растянутом свитерочке, и что-то кричала «маме Алле». Кажется, плакала, или это лишь показалось Сергею Викторовичу из-за мокрых стёкол, хотя он и сам был готов разрыдаться. И опять, глядя на Ладу, вспомнил Танюшку, вспомнил последнее расставание с ней, когда её отец-фотограф навсегда увозил дочку на собственной «Победе». Тогдашний Серёжка верил во всё, что ему говорили родители: и свои, и Танины. До следующей весны верил, пока однажды не увязался с мальчишками играть в лапту. Лишь только тогда узнал, что Таню увезли не к другой бабушке, которой у неё к тому времени не было, а в областной закрытый интернат. Там её здоровье окончательно расстроилось, и вернулась она в город в первую тихую осень, чтобы навсегда упокоиться под золотистой сенью кладбищенских лип.

Никто, конечно, не знал, о чём думал в эти минуты Степанов. У всех были свои мысли и чувства. Сам же он вдруг понял, что не зря Господь благословил премьеру песни именно на Казанскую, именно в этом месте. Ведь в песне говорилось о любви к Родине, призывном колокольном звоне и молитве, ведущей людей за собой. Он очень надеялся, что и Таня услышала в праздничный день эти благословенные слова, радушно ниспосланные с горней высоты.